

Пѣснь первая.

Вступленіе. Лѣсъ. Три звѣря. Появленіе Виргилія.

1. На полпути земного бытія

1. Такъ какъ первая и вторая пѣсни представляютъ введеніе и экспозицію всей поэмы, то необходимо, чтобы читателю лучше ориентироваться, сказать нѣсколько словъ объ общей идеѣ поэмы. Странное названіе у столь серьезнаго произведенія дано самимъ Дантомъ, согласно понятіямъ средневѣковой піитики, дававшей названіе комедіи такому произведенію, которое, начинаясь печально, имѣетъ веселый конецъ. Согласно тѣмъ же понятіямъ въ двадцатой пѣсни Ада „Комедіи“ Данте противопоставляется „Трагедія“ Виргилія, т. е. Энеида, оканчивающаяся печально. Эпитетъ „Божественной“ прибавленъ къ Дантовой Комедіи благоговѣющимъ потомствомъ. Впервые это названіе попадаетъ въ 29-мъ изданіи поэмы, появившемся въ 1516 году.

Внѣшній ходъ и содержаніе поэмы—фантастическое путешествіе Данта по Аду, Чистилищу и Раю. Въ этомъ путешествіи его сопровождаютъ сперва римскій поэтъ Виргилій, потомъ его юношеская любовь Беатриче. Эти три царства невидимаго міра полны современниковъ Данта и историческихъ личностей разныхъ временъ, съ которыми поэтъ бесѣдуетъ и которыя разсказываютъ ему свои мученія и радости, свои желанія и воззрѣнія, свои мысли и чувства. Такимъ образомъ, поэма полна яркихъ эпизодовъ, которые, при всемъ своемъ разнообразіи, тѣмъ не менѣе обоснованы на одномъ общемъ планѣ, и этотъ планъ—*изображеніе духовнаго самоусовершенствованія чловѣка*. Это самоусовершенствованіе переходитъ три ступени развитія: сознанія своей грѣхovitости и раскаянія въ ней (Адъ); очищенія (Чистилище) и вознесенія духа къ блаженству (Рай). Самъ Дантъ, проходящій эти ступени, является такимъ образомъ типомъ чловѣка вообще, а его поэма—образнымъ изображеніемъ чловѣческаго спасенія.

Кромѣ этого, Божественная Комедія еще имѣетъ значеніе какъ памятникъ политическихъ и общественныхъ воззрѣній своего времени. „Какая была великая Троянская война среднихъ вѣковъ,—говоритъ одинъ изъ комментаторовъ Данта,—какъ не борьба гвельфовъ и гибеллиновъ, свѣтской и духовной власти, папъ и императоровъ, получившая такое яркое отраженіе въ Дантовой поэмѣ?“ Данте, какъ извѣстно, родился и жилъ первую половину своей жизни во Флоренціи, городѣ, раздираемомъ политическими раздорами. Симпатіи къ гвельфамъ или къ гибеллинамъ породили въ флорентійскихъ ноби-

Вступилъ я въ лѣсъ угрюмый и унылый,
И затерялась въ немъ тропа моя.

ляхъ партіи *Бѣлыхъ*, приверженцевъ императора, и *Черныхъ*, приверженцевъ папы. Въ 1302 году послѣ побѣды Черныхъ ярый гибеллинъ Данте подвергся изгнанію и никогда уже болѣе не возвращался на родину. Но изгнаніе не сломило его духовной мощи, и вся „Божественная Комедія“ является огненнымъ протестомъ противъ свѣтской власти папъ и выразителемъ тѣхъ новыхъ въ то время государственныхъ идей, которымъ современемъ суждено было сломить средневѣковый строй въ Европѣ.

Сообразно этимъ двумъ сторонамъ „Божественной Комедіи“ и аллегорія первой пѣсни получаетъ двойное толкованіе. Съ одной стороны, Данте, заблудившись въ лѣсу человѣческихъ слабостей, подвергается нападенію страстей: чувственности (Пантера), властолюбія (Левъ) и жадности (Волчица), отъ которыхъ спасаетъ его разумъ, олицетворенный въ *Виргиліи*; этотъ разумъ ведетъ его путемъ нравственного самоусовершенствованія къ блаженству, открываемому богословіемъ (*Беатриче*). Съ другой стороны, тотъ же лѣсъ можетъ изображать политическія смуты, мѣшавшія Данту достигъ вершинъ доступнаго человѣку счастья (освѣщенная солнцемъ гора); пестрая Пантера, по этому объясненію, изображаетъ Флоренцію съ ея Черной и Бѣлой партіями; Левъ—Францію и Карла Валуа, а Волчица (*lupa* съ ея другимъ латинскимъ значеніемъ,—намекъ на развратъ папскаго двора)—Римъ, свѣтскую власть папы. Избавленія отъ нихъ Данте ищетъ сперва въ обращеніи къ классической древности (*Виргилій*); но это только путь къ достиженію христіанскихъ идеаловъ жизни, носителницею которыхъ является *Беатриче*.

Получи земною бытія, по собственному объясненію Данта въ *Convito*, есть тридцатипятилѣтній возрастъ—моментъ, въ который оканчивается развитіе человѣческихъ силъ и начинается ихъ увяданіе. Данте приурочилъ свое путешествіе, обозначающее извѣстный поворотъ въ разумѣ и мышленіи, именно къ этому возрасту, вѣроятно, по поводу словъ еврейскаго царя *Езекии* „*Рѣкъ въ преполовеніе дней моихъ: ко вратамъ ада приидохъ.*“ (*Исаи* XXVIII, 10),—которыя по объясненію св. *Бернарда* указываютъ на помощь божественной благодати, вслѣдствіе которой человѣкъ на половинѣ дней своихъ, отдавъ первую часть ихъ злу, изъ страха наказаній начинаетъ искать утѣшеніе въ добрѣ. Сравни также *Brunetto Latini*, *Tesoretto*, II, 75.

Pensando a capo chino,
Perdei il gran cammino,
E tenni alla traversa.
D'una selva diversa.

Моментъ, съ котораго начинается дѣйствіе поэмы, есть ночь на страстную пятницу съ 24 на 25 марта 1300 года,—такимъ образомъ первый день новаго столѣтія, если годы считать не отъ Рождества Христова (*ab Nativitate*), а отъ Воплощенія (*ab Incarnazione*), какъ это дѣлалось иногда въ средніе вѣка. Время Дантова странствованія точно опредѣляется въ 21-й пѣсни „*Ада*“.

2. *Лѣсъ* обозначаетъ человѣческую жизнь вообще, а личную бурную жизнь Данта въ особенности. Что Данте очутился въ лѣсу лишь „на *получи земною бытія*“,—значить, что сознаніе своихъ заблужденій появилось въ немъ

4. Такъ страшно тамъ и такъ пустынно было,
Что рѣчь слаба предъ скорбію такой,
И мысль одна ту скорбь возобновила.
7. Не горше скорбь предъ смертію самой!
Лишь изъ-за благъ, что въ томъ пути я встрѣтилъ,
О прочемъ всемъ разсказъ веду я свой.
10. Какъ я въ тотъ лѣсъ вошелъ, я не замѣтилъ;
Такой палъ на меня глубокой сонъ
Въ тотъ мигъ, какъ ложный путь меня осѣтилъ.
13. Когда же я пришелъ на горный склонъ,
Близъ коего кончался долъ тотъ черный,
Въ которомъ такъ тоской я былъ смятенъ, —
16. То, вверхъ взглянувъ, зубцы вершины горной
Увидѣлъ я въ лучахъ планеты той,
Что средь извилинъ путь намъ кажетъ торный.
19. Свѣтъ уменьшилъ немного ужасъ мой,

лишь въ этотъ періодъ его жизни, когда „затерялась его трона“ послѣ смерти Беатриче въ 1290 году. Кромѣ этого, Данте въ 1300 году сдѣлался однимъ изъ пріоровъ (сенаторовъ) Флоренціи, такъ что политическія смуты, къ которымъ онъ поэтому сталъ ближе, еще болѣе отклонили его отъ истиннаго пути.

8. Принимаю чтеніе Бланка *altre*, а не *alte cose*.

10—12. Данте вступаетъ въ лѣсъ, равно какъ и перевозится Харономъ въ адъ, въ состояніи мистическаго сна; потому что, съ одной стороны, во снѣ человѣкъ, освобождаясь отъ узъ плотскихъ чувствъ, ближе къ духовному міру, съ другой стороны—сонъ вообще обозначаетъ нѣкоторое ослабленіе духа и недостаточность самосознанія.

16. Несмотря на лѣсъ заблужденій, Дантъ не теряетъ изъ виду вершины, освѣщенной солнцемъ истины, вершины, обозначающей полноту человѣческой жизни, человѣческихъ радостей и счастья.

17. По Птоломеевой системѣ міра, солнце—планета.

18. Солнце, какъ символъ божественнаго вдохновенія, у Данта часто противопоставляется мѣсяцу, какъ символу земного, человѣческаго разума; поэтому этотъ стихъ имѣетъ еще кромѣ прямого смысла и иносказательный: какъ по солнцу можно найти въ лѣсу истинное направленіе пути, такъ точно сіяніе божественной правды показываетъ въ жизненномъ лѣсѣ то направленіе, котораго слѣдуетъ держаться.

19. Предъ свѣтомъ истины уменьшается страхъ предъ заблужденіями земной жизни.

Въ какой меня повергла тьма ночная,
И въ море сердца пролил мнѣ покой.

22. И какъ пловецъ, отъ устали вздыхая,
Едва спасаясь, не сводитъ глазъ своихъ
Съ пучины, гдѣ шумитъ волна морская,—
25. Мой духъ, готовый въ бѣгство по сей мигъ,
Такъ та долина скорби приковала,
Безъ слезъ не отпуская живыхъ.
28. И снова я, давъ членамъ отдыхъ малый,
Въ пустынный путь пошелъ, при чемъ всегда
Внизу нога опорная стояла.
31. Но только я отправился туда,
Пантера появилась вдругъ, вся въ пятнахъ,
Окрашенныхъ въ роскошные цвѣта.
34. Боязнъ ея набѣговъ многократныхъ,
Подъемъ такъ часто затруднявшихъ мой,
Внушала мысль мнѣ о путяхъ обратныхъ.

---

21. *Море сердца* можетъ быть понятно или просто какъ метафора или какъ полости сердца, наполненныя кровью, которыя во времена Данта считались мѣстопробываніемъ животной души человѣка.

22—28. Первый взглядъ на пройденныя трудности даетъ силы къ продолженію медленнаго, но неустаннаго подъема выше.

30. При подъемѣ на гору, мы всегда опираемся на ту ногу, которая стоитъ ниже. Прекрасный образъ духовнаго самоусовершенствованія, допускающаго только тогда идти выше, когда на болѣе низкомъ мы стоимъ твердо.

32. Пантера, какъ уже сказано въ примѣчаніи къ стиху 1, обозначаетъ въ нравственномъ смыслѣ чувственность, а въ политическомъ Флоренцію; ея пятнистость въ политическомъ смыслѣ—флорентійскія партіи Бѣлыхъ и Черныхъ, а въ нравственномъ отношеніи яркость цвѣтовъ ея шкуры обозначаетъ ту яркость жизненныхъ впечатлѣній, которою чувственность сначала поработаетъ человѣческой духъ.

36—37. Чувственность, появляясь въ ранній періодъ нашего духовнаго восхожденія, не представляется намъ въ томъ отвратительномъ видѣ, какъ прочія страсти. Хотя она и мѣшаетъ восхожденію, но вмѣстѣ и привлекаетъ своею жизненностью и подъемомъ тѣлесныхъ силъ, что при яркомъ сіяніи истины рождаетъ надежду достигнуть болѣе высокихъ ступеней.

37. Но въ небесахъ былъ утра часъ златой,
И солнце вверхъ текло въ сопровожденьи
Тѣхъ звѣздъ, средь коихъ призвано впервой.
40. Любовію Божественной въ движенье
Все льстило мнѣ, надеждою маня
Добыть Пантеры шкуру, въ то мгновенье:
43. И время года раннее и дня;
Но скоро вновь мой робкій духъ смутился
Предъ грознымъ Львомъ, настигнувшимъ меня.
46. Навстрѣчу мнѣ онъ съ ревомъ устремился
И голову поднялъ, какъ бы къ борьбѣ,
Такъ что какъ будто воздухъ вокругъ страшился.
49. Волчица съ нимъ, что въ страшной худобѣ
Алчбы полна казалась всевозможной;
Въ ней гибель многіе нашли себѣ.

39—40. Въ созвѣздіи Овна. Данте держится того вѣрованія, что міръ сотворенъ въ началѣ весны, въ періодъ весенняго равноденствія, когда солнце вступаетъ въ это созвѣздіе. *Божественная Любовь*, по мнѣнію Данта, — есть причина, которая движетъ солнца и звѣзды (последній стихъ Рая).

41—43. Свѣжесть жизненныхъ силъ пробуждаетъ желаніе овладѣть чувственностью, побѣдивъ ее.

45. Когда страстная чувственность юности охлаждается, появляется властолюбіе (Левъ), отвращающее даже могучія натуры отъ стремленія къ единой истинѣ; это могущественнѣйшая и самая ужасная изъ страстей, въ особенности во времена политическихъ раздоровъ, — даже и въ томъ случаѣ, когда человѣкъ самъ сознаетъ, что онъ жертва этой страсти.

46—47. Два признака ярости: поднятая голова показываетъ отвагу къ нападенію, а ревъ — желаніе напасть.

48. Принимаю чтеніе *temesse*, а не *tremesse*.

49. Наконецъ является жадность (Волчица), которая, поглощая земныя блага, тѣмъ болѣе чувствуетъ голодъ, чѣмъ болѣе пожираетъ (ст. 99). Нѣтъ дурной страсти, нѣтъ порока, съ которыми бы она не была въ тѣсной связи и которыхъ бы она не привела за собой (ст. 100—101). Эта самая низкая изъ страстей, тѣмъ не менѣе самымъ неотступнымъ образомъ преслѣдуетъ человѣка въ его стремленіи къ высшимъ благамъ и отступаетъ, лишь окончательно погубивъ его (ст. 96). Вотъ почему Данте охваченъ такимъ отчаяніемъ при появленіи Волчицы. Не нужно также забывать, что Волчица олицетворяетъ еще римскую курію со всѣми ея пороками!

52. Такъ я тоской охваченъ былъ тревожной
Отъ злости, коей полнь у ней былъ взглядъ,
Что думалъ я,—подняться безнадежно!
55. Точь-въ-точь скупой, всю жизнь сбиравшій кладъ,
Когда все потерять пора настала,
Не сдержитъ слезъ, отчаяньемъ объять.
58. Тотъ беспокойный звѣрь мало-по-малу
Меня, идя ко мнѣ навстрѣчу, сшибъ
Въ такую глубь, гдѣ солнце умолкало.
61. И вотъ, когда я думалъ, что погибъ,
Предсталъ мнѣ Нѣкто, кто, какъ видно было,
Отъ долгаго молчанія охрипъ.
64. Узрѣвъ его въ пустынѣ той унылой,—
— „Спаси меня!“ ему я съ воплемъ рекъ,—
„Будь человѣкъ ты, или нѣтъ,—помилуй!“
67. „Не человѣкъ я, былъ я человѣкъ“,

60. Метафора, часто встрѣчающаяся у Данта.

62. Наконецъ является разумъ, чтобы насъ спасти отъ страстей. Но вслѣд-
ствие того, что онъ долго молчалъ, онъ не сразу начинаетъ возвышать го-
лосъ и кажется сначала охрипшимъ отъ долгаго безмолвія. Въ этомъ ви-
дѣть также упрекъ Данта современникамъ въ забвеніи Virgiliya, который,
не будучи читаемъ и изучаемъ, какъ бы пересталъ говорить.

Почему разумъ олицетворенъ въ Virgiliyi? Это объясняется частію тѣмъ
представленіемъ, какое имѣли о Virgiliyi средніе вѣка. Для того времени
Virgiliy являлся не только поэтомъ древности, а какимъ-то вѣщимъ мудре-
цомъ, пророкомъ и волшебникомъ, дѣлавшимъ чудеса. Основаніемъ такому
представленію о Virgiliyi, вѣроятно, послужила четвертая его эклога „Пол-
лионъ“ (имѣется по-русски въ переводѣ г. Владиміра Соловьева), въ которой
Virgiliy говорить о рожденіи какого-то чудеснаго младенца, долженствующа-
го насадить новый золотой вѣкъ на землѣ. Въ ней видѣли предсказаніе о
пришествіи Христа на землю и находили въ ней такое сходство съ нѣкото-
рыми мѣстами пророка Исаи, что императоръ Константинъ Великій даже велѣлъ
прочестъ ее на первомъ вселенскомъ соборѣ (см. книгу Э. И. Булаева „Мои
досуги“). — Кромѣ того это объясняется личнымъ глубокимъ почтені-
емъ Данта къ Virgiliyu, которое Дантъ изливаетъ въ послѣдующихъ стихахъ

Онъ молвилъ: „мои предки—Мантуане,
„И родъ мой изъ Ломбардіи истекъ.

70. „Sub Julio рожденъ, хоть жилъ не ранѣ
„Счастливыхъ Риму Августовыхъ лѣтъ
„Въ погибельномъ лжевѣрїя обманѣ.
73. „Я былъ пѣвецъ, и мною былъ воспѣтъ
„Эней, Анхиза праведное чадо,
„Пришедшій къ намъ послѣ Троянскихъ бѣдъ.
76. „Но ты, что ты стремишься къ сѣни ада?
„Зачѣмъ бѣжишь ты горной высоты,
„Начала и источника отрады?“ —
79. — „О неужель, Virgilij, это ты?“
Воскликнулъ я, краснѣя отъ волненья:
„Потокъ, струящій рѣки красоты,
82. „Другихъ пѣвцовъ хвала и украшенье!
„О, да зачтется мнѣ передъ тобой
„Твоихъ созданій дивныхъ изученье!
85. „Мой образецъ, наставникъ, авторъ мой!
„Тебѣ я одному обязанъ славой;
„Прекрасный стиль, чѣмъ я прославленъ, твой!

68—69. Virgilij родился въ 684 году отъ основанія Рима въ мѣстечкѣ Андесъ близъ Мантуи, въ консульство Кн. Помпея и Лицинія Красса, когда Юлій Цезарь былъ еще въ Галліи. Дантъ заставляетъ его говорить, что онъ родился *Sub Julio*,—по обычаю Дантовскаго времени пересыпать рѣчь латинскими выраженіями,—лишь изъ своихъ гибелинскихъ побужденій,—а именно, желая приурочить рожденіе перваго поэта римской имперіи къ владычеству перваго римскаго императора, каковымъ онъ считаетъ Цезаря. Изъ этого же объясняется эпитетъ Августава вѣка „счастливый“, потому что монархистъ Данте считаетъ счастливымъ вѣкомъ періодъ Августава единодержавія въ противоположность республиканскому періоду Римской исторіи.

72. Virgilij какъ бы оправдывается въ своемъ язычествѣ.

76—78. Virgilij съ спокойствіемъ мудреца и мужа древности не можетъ понять, что заставляетъ Данта бѣжать полноты жизненныхъ радостей, которая является ему на горѣ, освѣщенной солнцемъ.

87. Данте уже и до „Божественной Комедіи“ былъ извѣстенъ въ Италіи своими сонетами и канцонами.

88. „Взгляни, мнѣ угрожаетъ звѣрь лукавый;
„Спаси меня, прославленный мудрецъ;
„Онъ кинулъ въ дрожь мнѣ жилы и суставы“.—
91. — „Инымъ путемъ“,— мнѣ отвѣчалъ Пѣвецъ,—
„Идти ты долженъ, если отъ напасти
„Спастися пожелаешь ты вконецъ.
94. „А звѣрь, чьей ты избѣгнуть хочешь пасти,
„Другихъ не терпитъ на стезѣ своей,
„Но ихъ по смерти въ своей содержитъ власти.
97. „Породы нѣтъ коварнѣе и злѣй.
„Нѣтъ сытости въ ея утробы ямѣ:
„Чѣмъ больше пищи, голодъ рѣзче въ ней.
100. „Блудотворя со многими звѣрями,
„Она сойдется съ новыми стократъ;
„Но Песъ придетъ ее низвергнуть въ срамѣ.
103. „Псу пища не земля и не булатъ,
„Но доблесть, милосердіе, судъ правый;
„Между двухъ Фельтро будетъ Песъ зачать.
106. „Италіи рабѣ онъ будетъ славой,

91. Только прохожденіемъ черезъ адъ, т.-е. сознаниемъ порочности и раскаяніемъ оказывается для Данта достижимой вершина счастья.

100. Намекъ на многочисленныя политическія связи Рима.

102. *Песъ* (veltro). Anonimo Fiorentino и Landino подъ Псомъ разумѣютъ сочетаніе планетъ, причиняющее перемѣны въ религіи и нравахъ (впослѣдствіи въ древнемъ начертаніи этого слова Veltro видѣли анаграмму имени Lutero) Velutello утверждаетъ, что подъ именемъ Пса слѣдуетъ разумѣть Ка на-Гранде Делла-Скалла, обладателя Вероны, при дворѣ котораго Данте жилъ и которому посвятилъ свой „Рай“; это въ особенности подтверждается стихомъ 105. Этотъ благородный юноша, на которомъ почивали надежды гибеллиновъ, былъ представителемъ императора въ Италіи; но умеръ, не осуществивъ этихъ надеждъ, въ 1329 году.

103. Т.-е. онъ не будетъ ослѣпленъ жадностью и жаждой завоеваній.

105. Между горою Фельтро и городомъ Фельтро, т.-е. въ Ломбардіи.

106. Идея единства всей Италіи, которой было суждено осуществиться лишь въ нашемъ столѣтіи, уже одушевляла Данте

- „Въ честь коей Эвріаль и Низъ легли,
„Турнъ и Камилла смертію кровавой.
109. „Травя Волчицу изъ одной земли
„Къ другой, онъ свергнетъ въ адъ ее, отколѣ
„Ее раздоръ и зависть извели.
112. „Теперь тебя я не покину болѣ,
„И ты въ предѣлы вѣчности за мной
„Пойдешь изъ этой горестной юдоли.
115. „Увидишь ты духовъ казнимыхъ рой,
„Увидишь древнихъ плѣнниковъ мученья,
„Что смерти въ мукахъ ждуть вотще второй;
118. „И проходящихъ пламя очищенья
„Въ надеждѣ лучшихъ благъ увидишь тамъ;
„Увидишь Рая свѣтлыя селенья;
121. „Но не со мной пойдешь ты къ тѣмъ мѣстамъ;
„Тамъ есть душа достойная иная,
„И той душѣ тебя я передамъ.
124. „Затѣмъ, что Самодержца власть святая,
„Чей дерзостно отвергнулъ я законъ,
„Меня въ блаженномъ томъ не терпитъ краѣ.

107—108. Во время празднованія шестисотлѣтняго юбилея дня рожденія Данта городъ Флоренція поднесъ королю Виктору Эммануилу золотую шпагу съ надписью „al gran Veltro—великому Псу“, при адресѣ, въ которомъ говорилось, что король Викторъ Эммануиль явился тѣмъ самымъ великимъ Псомъ, низвергнувшимъ Волчицу—папство, о которомъ нѣкогда пророчествовалъ Данте (Э. И. Буславъ „Мои досуги“).

118—119. Чистилище.

122. Беатриче, которая поведетъ Данта въ Рай.

124. Въ подлинникѣ *Imperadore*. Данте очень горячо лелѣялъ любимую мечту среднихъ вѣковъ о священной Римской имперіи, которая бы объединила подъ своимъ скипетромъ всѣ христіанскіе народы. Поэтому императоръ является для него достойнѣйшимъ подобіемъ Божества на землѣ.

126. Божественная сладость вѣчнаго блаженства, къ которой стремится очищенный отъ страстей духъ и которую человѣкъ предчувствуетъ, вступая на путь самоисправленія, можетъ быть открыта только вѣрою. Виргилій, какъ

127. „Вселенной всей, Могучій, править Онъ;
„Но тамъ Его престоль и царство свѣта...
„Блаженъ, кто въ свѣтлый градъ Его вселенъ!...“ —
130. — „Царемъ небесъ“, — я сталъ просить Поэта, —
„Непознаннымъ тобой, тебя молю:
„Веди меня, избавь напасти этой
133. „И горшихъ бѣдъ, направь стопу мою,
„Да, муки Ада видѣвъ, невозбранно
„Къ Петровой двери свѣтлой приступлю!“ —
136. И мы пошли, спускаясь въ доль туманный.

чуждый этой вѣрѣ, не можетъ проникнуть въ свѣтлый градъ Божій. Онъ ведетъ Данте только до тѣхъ поръ, до которыхъ можетъ довести разумъ, а далѣе—онъ передаетъ его Беатриче.

135. Неизвѣстно, о какой Петровой двери идетъ рѣчь, потому что далѣе никакой такой двери не описывается; вѣроятно, надо разумѣть входъ въ чистилище, описанное въ IX пѣсни „Чистилища“.